

ПЕР ГЮНТ

1865–1866, выдержки Дятлова Н. С. от 02.06.2022, 1–14/338=96%

1. Было это не с тобой, — С Глесе Гудбрандом когда-то! **Пер Гюнт:** А со мной быть не могло? Я ведь тоже ездить мастер.
2. Ну, довольно бабьих охов! Счастье часто то начнет Чахнуть, вянуть, то вдруг снова Краше вдвое расцветет.
3. Да, жилось нам хоть куда! Пробст и фогт со всей оравой День-деньской толклись у нас, Ели, пили до отвалу. А когда пришла беда — Всех повымело, как ветром. Опустел наш дом с тех пор, Как пошел бродить по свету Коробейником мой Йун! (Утирая глаза передником.) Ох, но ты ведь взрослый парень, Крепкий, сильный, и тебе Быть пора бы уж опорой Хилой матери своей, Самому хозяйство править, Чтоб хоть что-нибудь сберечь Из остатком от наследства.
4. Руку Аслаку сломал Или вывихнул не ты ли? **Пер Гюнт:** Это кто тебе наплел? **Осе:** (раздраженно) Кари вопли-то слышала! **Пер Гюнт:** (потирая плечо) Да, но кто вопил-то? Я.
5. **Пер Гюнт:** Я ли бью, меня ль колотят — Все равно ты слезы льешь.
6. Иль опять ты Все наврал мне? **Пер Гюнт:** Не опять, А на этот раз лишь только.
7. **Осе:** Ах, разбойник, ах, драчун! В гроб меня свети затеял?! **Пер Гюнт:** Что ты, что ты! В гроб свести? Нет, ты лучшей стоишь доли, Злая, милая моя! Верь: когда-нибудь в деревне Будешь первою у нас; На поклон к тебе, увидишь, Будут все ходить, лишь дай Что-нибудь такое сделать... Крупное, большое мне!
8. Пока ты разъезжал Там по кручам на олене, Ингрид высватал Мас Мон. **Пер Гюнт:** Это пугало воронье?
9. Помогите! Мы утонем!.. **Пер Гюнт:** Ждет меня получше смерть!.. **Осе:** Да, на виселице разве!
10. **Пер Гюнт:** Смирно, мать! Тут так скользко!
11. **Осе:** Ох, пришел, зная, мой конец! **Пер Гюнт:** Не тебе конец, а броду.
12. **Осе:** Ох, того гляди, взлетит Душенька моя на небо! Первая старуха Ну, счастливого пути!
13. Жизни может он лишиться. Первая старуха Что ж! Нам всем один конец, Так о чем тут сокрушаться?
14. (Глаза его понемногу слипаются.) Ага, теперь, небось, перепугалась: **Пер Гюнт:** со свитой едет, на коне С серебряным султаном, а подковы Из золота червонного. Он сам В перчатках, с саблей, в мантии широкой Такая же нарядная. Но кто Сидит в седле прямее, кто всех краше? Пер Гюнт! И где он едет — там народ Шпалерами стоит, ломает шапки И на него во все глаза глядит, А женщины смиренно приседают. Все знают — это царь **Пер Гюнт:** со свитой! Бросает, словно камешки, в толпу Монеты пригоршнями он, и разом Становятся вокруг все богачами... **Пер Гюнт:** и через море еде вброд, А принцы Англии на берегу Стоят и ждут. И Девушки все тоже. Вельможи Англии и короли — Где едет Пер — из-за столов встают. Снимает император сам корону И говорит...
15. А девок гибель там. На одного По целому пятку, а то и больше. Ах, черт возьми!.. Ну как тут не пойти!..
16. **Пер Гюнт:** Так. А как тебя зовут, — чтоб легче было Нам разговаривать с тобою?
17. **Мать** Чего не хочет? **Жених** Отомкнуть задвижку.
18. **Пер Гюнт:** Взять бы нож Да всех их до единого!..
19. **Пер Гюнт:** Сектант он? И ты и мать сектантки, верно, тоже? Ну, отвечай!
20. (Понижая голос, но резко и угрожающе.) Я троллем обернусь. И в полночь подойду к твоей постели. Услышишь, кто-то возится, сопит, — На кошку не подумай: это — я. Я выпью кровь твою. Сожру с костями Твою сестренку. Я — вампир! Вопьюсь Зубами в грудь твою...
21. Гляньте, тацит Ее под мышкой, словно поросенка!
22. **Осе:** (грозя Перу) О, чтоб ты кувырком слетел оттуда, Свернул бы шею... (Вскрикивает в страхе.) Ой, поосторожней!
23. Черт побрал бы всех вас, баб... Кроме лишь одной-единой...

24. **Пер Гюнт:** Стыдлива ты? Отказать мне ты смогла ли?
25. Ведь только на словах он был удал Да небылицы сочинять был мастер, А чуть коснись до дела — нет его!
26. Чего-чего не натерпелись вместе! Покойник-муж был пьяница и мот, По деревням таскался и по селам Да бражничал, сорил деньгами. Я же С ребенком Пером дома все да дома... Ну, как же быть, как время скоротать? С судьбой бороться разве нам под силу? Да и глядеть в глаза ей тоже страшно. Ну вот и норовят забыться люди, Рассеять мысли жуткие — кто чаркой, Кто выдумочкой баюкает себя; И мы с сыночком сказками спасались — Про принцев заколдованных, про троллей, Про похищения невест... Но кто же Подумал бы, что так засядут сказки Те в голове?
27. **Переселенец:** Чем он скорей на виселице будет, Тем лучше для него.
28. Нет, надо, надо нам его сыскать! **Переселенец:** Чтоб душу бедную его спасти. **Осе:** И тело.
29. **Переселенец:** Ну, это Долг каждого христианина. **Осе:** Тьфу! Так те язычники — все остальные! Хоть бы один помог! **Переселенец:** Они, как видно, Его узнали слишком хорошо.
30. **Сольвейг:** Вы рассказывать скорее Устанете, чем я устану слушать!
31. Это — жизнь! Закалит хоть кого. К черту выдумки, глупые сказки!
32. **Третья** Нет дружков, так мы троллей зовем!
33. **Пер Гюнт:** (одним прыжком становясь между ними) Трехголовый я тролль — для трех девок Пригожусь! Девушки Ты такой молодец?
34. Буду с тобой хорошо обращаться. Прясть не заставлю, ни ткать никогда. Есть будешь вволю и пить сколько влезет. За косы слово даю не таскать...
35. **Женщина в зеленом:** Да, но ты помни, у жителей Рондских Вид все двоякий имеет и смысл. С первого взгляда ты наши палаты Примешь, пожалуй, за груды камней.
36. **Пер Гюнт:** Так и у нас ты, пожалуй, за мусор Золото примешь и скажешь: тряпьем Заткнуты грязным разбитые окна.
37. Правда, одна у него голова; Но и у дочки не больше. Тролли о трех головах ведь у нас Вышли почти что из моды; И двухголовых-то встретишь едва, Да и немного стоят Головы те.
38. Прежде всего обещаешь Плюнуть на все, что вне Рондских границ, Света и дня сторониться, Светлого дела и солнца луча.
39. **Доврский дед:** Правда, во многом мы схожи Но и большое различие есть. Утро есть утро, а вечер — Вечер всегда. Вот различие в чем: Там, под сияющим сводом, Учат: «Самим будь собой, человек!
40. Тролль, будь доволен собою самим!
41. **Доврский дед:** Ну, а бесхвостым не суйся К Доврскому деду в зятя!
42. **Доврский дед:** Вижу, покладистый малый ты, зять!
43. **Доврский дед:** Нет, твоей веры не тронем, мой сын, — Вера свободна от пошлин; Нам оболочка одна лишь важна... С виду будь троллем заправским, Верь же, как хочешь, и верой зови То, что здесь страхом зовется.
44. **Пер Гюнт:** Что-то прегадкое. Вижу, свинья, Пляшет в коротких штанишках; Струны корова копытом дерет...
45. **Доврский дед:** Левый твой глаз я чуть-чуть поскоблю, — Вкось все и вкривь будешь видеть, Но уж зато все красивым найдешь. Правый же глаз твой я выну.
46. **Доврский дед:** Сам посуди, от каких неудобств Этим тебя я избавлю. Вспомни, глаза суть источники слез, Горьких и едких, как щелок.
47. **Пер Гюнт:** Правда, написано: если тебя Глаз соблазняет твой — вырви!.. Ну, а когда же опять-то, скажи, Буду по прежнему видеть? **Доврский дед:** Ты? Никогда.
48. Можно за деву корову признать, Клятвою в том поручиться, — Клятвы — слова, проглотил и — конец!
49. **Доврский дед:** Вы, люди, Вечно себе остаетесь верны. Дух на словах признаете, Вправду же цените только одно — Что можно сцапать руками. Думаешь ты — вожделенье ничто? Ну, погоди же, увидишь...
50. **Доврский дед:** (с высоты своего величия с минуту презрительно смотрит на Пера Гюнта и затем говорит)

51. Издали доносится звон церковных колоколов. Тролленята Чу! Колокольчики слышны в горах! То — чернорясцев коровы! (С визгом и воем разбегаются.)
52. Издали доносится колокольный звон и церковное пение. **Кривая:** (расплываясь в ничто, говорит, задыхаясь) Нет, с ним не сладить! Ему Женщины стали оплотом!
53. Все выдумки. Сосна это, а вовсе Не в сталь закованный могучий витязь; Сосна простая с треснувшей корой.
54. А замечтаешься — сам черт не брат! Но надо это бросить все; довольно Ходить в тумане, бредить наяву...
55. Отверженный. И матери с тобою Здесь нет; никто тебе не сварит пищу И не накроет стол. Захочешь есть — Справляйся сам, как знаешь; раздобудь В реке, в лесу чего-нибудь съестного, Лучины нащепи да разведи Огонь в печи и стряпай сам. Захочешь Теплей одеться — подстрели оленя; А нужен кров — так камня наломай Да бревен наруби и сам на место Перетаскай на собственной спине.
56. (Злобно смеется.) Опять за выдумки! Себя морочить!
57. на кровати кот
58. **Осе:** Да, милостыней будем жить мы с кошкой.
59. Запрешься ль на замок От дьявольских, нечистых, злобных мыслей?
60. **Сольвейг:** прибегает на лыжах с равнины
61. **Сольвейг:** Теперь я сирота; Без матери и без отца: со всеми Я порвала. **Пер Гюнт:** Чтобы ко мне уйти! О Сольвейг, милая!..
62. Богато или бедно — я довольна; Здесь по душе мне, — дышится свободно. Ведь там, внизу, вздохнуть я не могла, Давило камнем грудь. И эта тяжесть Меня оттуда тоже прочь гнала. А здесь — где бор шумит... где тишь такая И словно пенье в воздухе дрожит — Мне так легко, так хорошо; я — дома.
63. И крепко ты уверена, что будешь Всегда так чувствовать? Всю жизнь свою?
64. Он хромоног, как ты душою хром.
65. И это все... **Женщина:** За блуд лишь мысленный! Тебя мне даже жаль.
66. **Женщина:** Всегда невинный должен отдуваться, — Как черт сказал: его побила мать За то, это допьяна отец напился.
67. Сторонкой обойти дала совет **Кривая:** мне. И тут придется так же... Ну, вот и рухнул с треском мой дворец! Стена воздвиглась между ней и мною... И разом стало гадко здесь и радость Моя состарилась... Да, да, сторонкой. К ней через эту грязь прямой дороги Мне не найти. Гм... да, прямой дороги... А все-таки, пожалуй, есть? Коль память Не изменяет мне, то где-то что-то Насчет раскаянья когда-то говорилось... Но что? Что именно? Я не припомню,
68. Раскаянье? Нужны, пожалуй, годы, Пока я с ним пробьюсь вперед. Несладко Таковую жизнь вести. Сломать, разбить, Что дорого так, чисто и прекрасно, И снова склеить из кусков, обломков? Со скрипкою удасться это может, Но с колоколом — нет. Нельзя лужайку, Что зеленеть должна, топтать ногами...
69. Ведь вот исчезла же из глаз та мерзость... Но не из памяти и не из сердца! Прокрадываться будут в душу мне Те мысли грешные. Сначала Ингрид, Потом те три, скакавшие, как козы На пастбище. Пожалуй, и они Придут? И тоже с хохотом и бранью Потребуют, чтоб я их приласкал И на руки взял бережно, как Сольвейг!.. Ступай сторонкой, парень! Если б руки Твои длиннее лап сосновых были, Ты и тогда ее нести не мог бы Достаточно далеко от себя, Чтоб грязью собственной не запачкать... Сторонкой обойди. Без барыша, Так уж по крайней мере без убытка Со всем покончить, да и позабыть...
70. С ней говорить и все-таки молчать... Ей признаваться и кривить душою?...
71. Святой сегодня вечер. Ей навстречу Идти таким, каков я, — святотатство.
72. У кровати, в ногах, стул. На нем кот.
73. Рукою своею закроешь тихонько Глаза мне и гроб заказать мне пойдешь.
74. И вовсе не ты, а проклятое пьянство; Весь грех и беда от него. Ты был пьян; А пьяный не знает ведь сам, что творит; Ты помнишь, как ты на олене катался? Уж, значит, порядочно был под хмельком.

75. Поболтаем С тобой мы лучше о том да о сем... Забудем все беды, напасти и горе! А, старая киска! Жива еще все?
76. **Пер Гюнт:** Нет, я сказал: поболтаем С тобою мы лучше о том да о сем, Забудем все беды, напасти и горе! Не хочешь ли пить? Я принес бы сейчас... Не вытянуть ног? Ты лежишь неудобно? Кровать коротка. Не на ней ли я спал Ребенком? Да, да. Я улягусь, бывало, А ты одеялом укроешь меня, Присядешь на край и баюкаешь песней Иль сказывать сказки начнешь...
77. **Пер Гюнт:** Там ждет святой Петр у ворот нас с ключами; С поклоном тебя пригласит он туда.
78. Я столько напелл небылиц, что со мною Тягаться не смог бы и сам сатана; Наседкою мать обзывал я, не скрою, — Уж нянчилась больно со мною она! Так вот и не требую я уваженья, Но ей не угодно ль почет оказать! Гостей не являлось к вам в ваши селенья Достоянее, чем моя старая мать.
79. (Закрывает **Осе:** глаза и наклоняется к ней.) Спасибо за все — и за брань и за ласку, За все, чем ты в жизни была для меня. И мне поцелуй в благодарность за сказку Ты дай... за езду и лихого коня. (Прижимается щекой к губам умершей.)
80. То вот она: я холост, вот в чем дело. Да, да, друзья мои, оно так просто. Ведь чем быть должен человек? Ответ: Самим собой. Оберегать он должен, Лелеять «я» свое и развивать. А мыслимо ли это, если кладью Себя навьючит он, что твой верблюд?
81. Что на роду написано кому! Судьбы своей да не прейдет никто же! На это можем уповать мы твердо, И в этом утешение большое.
82. **Эберкопф** Ваш взгляд на ход вещей вас поднимает До степени мыслителя. В то время, Как заурядный наблюдатель видит Лишь ряд разрозненных, отдельных сцен И бродит ощупью среди них всю жизнь. Способны вы сводить их воедино. Одною мерой мерите вы все; И даже мимолетные сужденья Свои все так шлифуете искусно, Что образуют род лучей они От центра вашего мировоззренья... А вы ведь, собственно, и не учились?
83. **Пер Гюнт:** Я говорил вам, что я самоучка. Систематически я ничего Не изучал, но размышлял и думал, И понемножку набрался познаний Из чтения. Немолодым я начал, А, как вы знаете, тогда труднее Прожевывать страницу за страницей, Ненужное и нужное глотать. С историей знакомился, признаться, Я по отрывкам только; не хватало На большее досуга никогда;
84. И вообще ученья смысл не в том, Чтоб знанием себя напичкать всяким, Но выбрать то, что может пригодиться.
85. **Котгон:** Вот это взгляд практический!
86. В Каролину Ввозил я негров, а в Китай — божков.
87. **Пер Гюнт:** Ну, разумеется. И дело шло. Миссионеры ревностно трудились: На каждого там сбытого божка Новокрещеный кули приходился, И вред нейтрализован был вполне. Ведь поле действия миссионеров Под паром никогда не оставалось, — Божкам ввозимым объявлялся шах!
88. Совсем от всяких отстранился дел. Плантацию свою я перепродал Со всем инвентарем, живым и мертвым, И на прощанье негров угостил
89. Так вот теперь и уповаю я, — Коль скоро не лукавит поговорка: «Кто зла не делает, творит добро», — Что прошлое мое давно забыто, И я скорей, чем кто другой, загладил Делами добрыми свои грехи.
90. Отвага действия, искусство риска Ведь в том и состоит, чтоб сохранить Свою свободу; ни в одну из хитрых Ловушек жизни не попасться; помнить, Что день борьбы не есть твой день последний, И мост себе для возвращенья вспять Всегда на случай оставлять. Вот эта-то теория, окраску Моей всей жизни дав, пробить дорогу Мне помогла; она от предков мне Досталась по наследству.
91. **Баллон:** Вы — норвежец? **Пер Гюнт:** Да, по рождению. По духу ж я — Вселенский гражданин. Своей фортуной Америке обязан; образцовой Своей библиотекой — юным школам Германии; из Франции же вывез Манеры, остроумие, жилеты; Работать в Англии я научился И там же к собственному интересу Чутье повышенное приобрел. У иудеев

выучился ждать, В Италии же к dolce far niente Расположеньем легким заразился, А дни свои продлил я шведской сталью.

92. Цель же эта?.. **Пер Гюнт:** Царем быть.
93. Везде и всюду; в целом мире.
94. **Пер Гюнт:** Лишь силой золота. Мой план, поверьте, Отнюдь не нов; я с детства с ним ношусь; Он был душою всех моих поступков. Мальчишкой к облакам в мечтах взлетал я В плаще пурпурном, с саблей золотою; И хоть и шлепался оттуда в грязь, С мечтой своей не расставался все же И верным самому себе остался. Написано иль сказано когда-то И кем-то, — я не помню хорошенько, — Что если даже обретешь всю землю, Но потеряешь «самого себя» — Венком на черепае разбитом будет Твоя победа. Если не буквально Так сказано, то нечто в этом роде, И это не пустые ведь слова. **Фон Эберкопф** Но что такое гюнтское — «я сам»? **Пер Гюнт:** Тот мир под сводом черепа, который Меня и делает таким, каков Я есмь, столь мало же иным, сколь мало Господь на дьявола похож.
95. **Пер Гюнт:** (с возрастающим увлечением) Да, гюнтское «я сам» есть легион Желаний, и влечений, и страстей; Есть море замыслов, порывов к цели, Потребностей... ну, словом, то, чем я Дышу, живу — таким, каков я есмь. Но как нуждается Господь Бог в прахе, В материи, чтоб быть владыкой мира, Так в золоте нуждаюсь я, чтоб быть Царем в том смысле, как я понимаю!
96. **Баллон:** Но золото у вас ведь есть. **Пер Гюнт:** Да мало, Иль разве лишь довольно для князька, Монарха а la Липпе-Детмольд. Я же Хочу «самим собою» быть en bloc, Хочу быть Гюнтом первым и последним, Да, сэром Гюнтом с головы до пят!
97. Ужели? Греки... **Пер Гюнт:** Восстали против Турции.
98. **Баллон:** (бросаясь Перу Гюнту на шею) Простите мне, mon cher, — одну минуту О вас превратного я мнения был. **Фон Эберкопф** (пожимая Перу Гюнту руку) Я Dummkopf, я готов был негодяем Считать вас! **Коттон:** Ну, уж это слишком сильно; Лишь дураком, сказал бы я. Трумпетерстроле (собираясь расцеловать Пера Гюнта) Прости же Ты, дядюшка, меня. Тебя считал я Типичным янки самой низкой пробы. **Фон Эберкопф** Мы заблуждались все... **Пер Гюнт:** Да что за вздор? **Фон Эберкопф** Теперь же мы узрели в полном блеске Весь этот гюнтский легион желаний, Порывов и страстей...
99. **Пер Гюнт:** (после небольшой паузы, опираясь на стул и напуская на себя важность) Послушайте-ка, господа, нам лучше Расстаться прежде, чем остаток дружбы Последний в воздухе, как дым, растает. Без ничего — всем рисковать легко. Кто на земле назвать своей не может И пяди, на которую он тень Отбрасывает в полдень, тот, пожалуй, И создан мясом пушечным. А я Сумел устроиться, скопить достаток, Так мне цена другая — подороже. Вы отправляйтесь в Грецию себе; Я вас перевезу туда бесплатно, Вооруженных. Чем вы ярче пламя Борьбы раздуете, тем натянуть Могу я туже лук свой. За свободу, За право бейтесь! Бурю поднимите! Задайте жару туркам и со славой Кончайте жизнь на пиках янычаров! Меня же извините! (Хлопая себя по карману.) У меня Есть золото, и я самым собою Останусь — сэром Гюнтом!
100. **Коттон:** Пожалуй, но, вступив в ряды толпы, Мы растворимся в ней, утонем сами, А где же выгода тогда?
101. **Коттон:** Мой личный интерес и мне велит Участие принять в захвате этом.
102. Я сплю. Пусть это будет только сном... Ужасная действительность, к несчастью! Мои друзья скотами оказались... О Господи, внемли!.. Ты справедлив...
103. Подай мне помощь или я погибну! Пусть задний ход скорей дадут машине! Пусть спустят шлюпку! Задержи воров! Запутай как-нибудь у них там снасти! Внемли! Оставь пока дела другие! Мир обойдется как-нибудь и сам... Да где! Он разве слушает! На просьбы Он, как обычно, вовсе не ответит! Отличные порядки! Оставлять Людей без помощи в нужде!
104. Пст!.. Слушай! Ведь я с плантацией своей расстался; Миссионеров посылал в Китай, — Так разочтемся же с тобою честно: Ты должен мне помочь догнать корабль!..
105. О, хвала тебе, Господь, Что ты взял меня ты под свою защиту, Не посмотрел и на грехи мои!

106. Как на душе становится спокойно И радостно от одного сознания, Что ты под покровительством особым. Но я в пустыне. Где взять пить и есть? А, впрочем, где-нибудь найдется, верно. Не может же он позабыть об этом. Чего ж бояться мне?
107. Он не захочет, Чтоб я погиб, несчастный воробей! Да, да, смириться и ему дать время, Не докучать. Его предаться воле...
108. Отрадно чувствовать такой подъем; Мышление благородное дороже Богатства всякого. На волю Божью Лишь положишься. Он знает, сколько выпить По силам мне из чаши испытаний; Ко мне отечески расположен.
109. Ох, что мы, люди, в мире? Лишь песчинки. Приспособляться надо понемножку; С волками жить — по-волчьи выть... Опять!
110. **Вор** Жребий неси свой, Будь сам собой!
111. **Вор** Ох, поразит нас, Чую я, рок! Укрыватель Дай улизнуть нам, Мощный пророк!
112. Да, да! Час утренний — час золотой. Поистине, природа в свет дневной Вложила замечательную силу.
113. Какая тишь кругом! Не понимаю, Как мог я до сих пор пренебрегать Привольную жизнью сельскою на лоне Природы. Сиднем взаперти сидеть В больших вонючих городах. Зачем?...
114. Какая милая царит невинность В животном царстве! Каждое создание Завет создателя блюдет и строго Свое предназначенье исполняет, «Самим собою» остается, — то есть В игре, как и в борьбе за жизнь, таким, Каким явилось в первый день творенья...
115. А, жаба! В самой середине глыбы Песчаника. Окаменела там. Лишь голова торчит наружу. Сидит и будто бы в окошко смотрит На божий мир, столетья оставаясь Сама собой... сама собой довольна!
116. Досадно, что с годами все слабеет По части времени и места память!..
117. (Пробует на вкус.) Скорее для скота, чем для людей; Но ведь написано недаром где-то: «Превозмогать свою природу нужно»; А также: «Пусть гордец смирится, ибо Возвышен будет, кто себя унижит!»
118. Возвышен? Да. И я возвышен буду. Иначе быть не может. Мне отсюда Поможет выбраться сама судьба И так устроит, что себе смогу я Опять пробить дорогу. Испытанье Ниспослано мне временное. Скоро Ему придет конец. Вот только дал бы Господь терпенья, силы и здоровья!..
119. От сотворенья мира не слышал Творец от трупа этого спасибо. К чему же было создавать его?
120. А на оазисе центральном моря Норвежскую я расу распложу. Мы, гудбраннсдалцы, — самой знатной крови! Арабской примесь дело довершит. И на высоком берегу залива Я город славный заложу — Перополь. Свет старый одряхлел. Пришла пора Стране возникнуть новой — Гюнтиане!
121. (Вскакивая.) Лишь были б капиталы — дело в шляпе. К вратам морским ключ золотой мне нужен!
122. Но прежде надо Отсюда выбраться. Вперед пробиться. А там и капиталы я достану. Вперед! Полцарства за коня!
123. Не может быть?... Нет, правда! Да и разве Не сказано, что воля движет горы?
124. Читал я в книжке раз, — и это верно, — На родине пророком быть нельзя. Но быть таким, как я, пророком — лучше, Чем первым быть среди богачей чарльстоунских,
125. Мое ли это дело? Оглянусь Назад и сам себя не понимаю. Не сам я и затеял это все; Скорей так обстоятельства сложились...
126. Но ведь часы, булавка, перстень, цепь И прочее — не сам же человек! Пророк — вот эта роль ясней и чище. Тут точно знаешь, на каком ты свете. Успех имеешь ты, — так им обязан Себе, а не карману своему; Овации относятся к тебе, А не твоим гинеям или фунтам. Сам по себе таков, а не иной ты; Ни случаю, ни счастьем не обязан; Не получил особого патента. Пророк, — да, это вот как раз по мне. И стал я им негаданно-нежданно, — Верхом лишь по пустыне прокатился Да встретил этих вот детей природы. Они ж решили, что пророк пред ними. Обманывать я не хотел их, право; Ведь не одно и то же — прямо лгать И за пророка выдавать себя, Иль отвечать а la пророк. К тому же Всегда могу ретироваться я, — Ничем не связан,

- так положенья Официального не занял здесь. Характер частный дело сохраняет; Могу уйти я, как пришел; мой конь Всегда готов. Ну, словом, остаюсь И тут я господином положенья.
127. Прибавь, что не терплю мужского духа Я здесь, в шатре!.. Мужчины, дочь моя, Прежалкий род и в сущности каналы... Презлющие вдобавок! Ты представить Себе не можешь, как они надули... Гм... я хочу сказать — как согрели!
128. **Пер Гюнт:** (следя глазами за пляшущей Анитрой) Как дробь по барабану, отбивает Ногами такт... Гм... лакомый кусочек! Положим, формы несколько выходят Из норм законных строгой красоты... Пикантны лишь. Но красота?... Ведь это Условное понятие, дело вкуса; От времени зависит и от места. Пикантность-то и дорога нам, людям, Когда нормальным сыты мы по горло. Привычное нас больше не пьянит. Лишь крайность — худобы или дородства, Иль юности иль старости — способна Ударить в голову, а середина Лишь вызвать тошноту способна. Правда, Не очень-то опрятны эти ножки И ручки... а особенно одна... Но это тоже ничего не портит, Скорей, напротив, прелесть придает. Поди сюда, Анитра!
129. **Анитра:** Да у меня же нет души. **Пер Гюнт:** Получишь.
130. Души нет! Да, ты пустовата, правда, — Я это уж заметил с сожаленьем, — Но для души в тебе найдется место. Поди сюда! Я череп твой измеряю... Я так и знал, что хватит. Ну, конечно, Особенно серьезной ты не станешь, Души великой не вместишь в себе; Да наплевать! С тебя довольно будет И маленькой, чтоб быть не хуже прочих...
131. Глядит, пожалуй, из-под занавески И без фаты и без... уборов прочих?
132. Да, песни — наша сфера: и моя И соловья. Для нас обоих петъ — «Самим собою» быть, дышать и жить!
133. **Анитра:** (с испугом) Тебе ль себя равнять, о свет востока, Со старым влюбчивым котом?
134. **Пер Гюнт:** Ну, если Взглянуть на нас с любовной точки зренья, — Пророк и кот один другого стоят.
135. Наедине с тобой — я просто Пер, Таков, каков я есть на самом деле; Бери меня таким, пророка ж — в шею!
136. Но выступать с остатками потертой, Изношенной премудрости средь ночи, Прохладной, ароматной, — просто глупо! К тому ж душа, сказать по правде, вовсе Не главное, не так важна, как сердце.
137. До крайности дошедший ум есть глупость; И расцветает трусости бутон В цветок жестокости махровый. Правда Преувеличенная — лишь изнанка Ученья мудрого. Да, да, дитя, Вот будь я проклят как собака, если На свете мало умственных обжор! Земля кишит людьми, которым трудно Достигнуть ясности души и мысли.
138. Ты знаешь, Что значит жить? **Анитра:** О, научи меня! **Пер Гюнт:** Плыть по реке времен сухим, всецело Всегда «самим собою» оставаясь. Но быть «самим собой» могу я только, Свое мужское проявляя «я». Орел, состарившись, теряет перья, Старуха шамкает беззубым ртом, Старик, кряхтя, едва волочит ноги, И все они душою увядают. Всего важнее — юность сохранить.
139. Поэтому-то, в сущности, и кстати Что пусто в черепе твоём, дитя! Душа нас заставляет углубляться В самих себя, собою заниматься. Итак, — уж раз вопрос затронут этот, — Ты можешь, если хочешь, получить На щиколотки по кольцу; обоим Так будет выгодней, тебе и мне; Души же место сам в тебе займу я, А прочее по-старому все будет.
140. **Анитра:** всхрапывает. **Пер Гюнт:** Уснула? Как? Иль пролетело мимо Ее ушей все то, что говорил я?
141. Я молод! Не забудь, Анитра, — молод! Так слишком строго не суди меня За выходки и шалости мои. Ведь юность шаловлива! Если б не был Твой ум неповоротлив так, ты сразу Смекнула б, мой прелестный олеандр, Что раз твой друг так шаловлив — он молод!
142. (Пляшет и припеваает.) Я блаженный петушок, — Курочка меня заклюй! Дай за пляску поцелуй! Я блаженный петушок!
143. **Анитра:** Спасибо, но... я обойдусь, пожалуй, И без души. А ты просил о горе? **Пер Гюнт:** (вставая) Да, черт меня возьми! Доставь мне горе! Глубокое и острое страданье, Но краткое, на день-другой... не больше!

144. **Пер Гюнт:** (отбрасывая в сторону тюрбан) Там турок, а здесь — я. Сказать по правде, И не к лицу язычество мне это.
145. Что нужно было мне на той галере? Не лучше ль жить по-христиански скромно, За перьями павлиньими не гнаться, Законам и морали верным быть, Самим собой остаться, чтоб по смерти Тебя приличным помянули словом, Украсили твой гроб венком!..
146. Да, маху дал я. Но утешеньем мне вот что служит: Ошибка вся произошла на почве Непрочной положенья моего. Оно виною было, а не личность, Не «я» мое. Так не оно, не личность И потерпела поражение тут.
147. В Америке осталось кое-что, Да и в карманах не совсем уж пусто, Ну, словом, я еще банкрот не полный, И, в сущности, ведь что всего дороже, Милее? Золотая середина! Ни кучером, ни лошадыми не связан, Ни с багажом хлопот, ни с экипажем. Я — положенья полный господин.
148. Какой же путь избрать мне? Их так много, И выбор выдает — кто мудр, кто глуп... С карьерою дельца покончил я И, как лохмотья, сбросил с плеч своих Я увлечения любви.
149. Итак, мне нужно новенькое нечто; Поблагороднее занятие, цель, Достойная расходов и трудов... Не биографию ль свою составить Чистосердечно, без утаек всяких, Для назиданья и для руководства?... Иль нет!.. Я временем ведь не стеснен, Пущусь-ка путешествовать сначала С научной целью; буду изучать Времен минувших жадность вековую. Как раз по мне занятие такое!
150. Я буду Борьбу героев наблюдать, борьбу За благо и идеи; но-как зритель, Из уголка укромного взирая. Увижу я одних идей паденье И торжество других на трупах жертв; Создание и разрушение царств, И мировых эпох возникновенье По камешку, из мелочей... ну, словом, — С истории снимать я буду пенки!
151. Я постараюсь как-нибудь достать Том Беккера и объезжать в порядке Хронологическом все страны мира. Положим, скуден мой багаж научный, А механизм истории хитер, — Да наплевать!
152. А как заманчиво — наметить цель И к ней идти упорно, неуклонно!
153. О, как же счастлива, что разрешил Загадку назначенья своего! Лишь устоять теперь и в дождь и в ведро!.. И мне простительно теперь закинуть Высоко голову в сознаньи гордом, Что самого себя нашел Пер Гюнт, Самим собою стал; сказать иначе — Стал жизни человеческой царем! В руках своих держать я буду сумму, Итог времен минувших, и не стану Я настоящего путей топтать, — Подошв трепать не стоит; в наше время Иль вероломны иль бессильны люди; Их ум лишен полета, дело — веса;
154. Опасно сразу поиски начать С эпохи сотворенья мира, — Недолго заблудиться. Я в сторонке Библейскую историю оставлю, — Следы ее ведь сыщутся и в светской; По косточкам же разбирать ее — И выше сил моих и не по плану.
155. И в Вавилоне поищу следов Садов висячих и блудниц — главнейших Следов культуры, так сказать.
156. И с лучшими философами также Поближе познакомлюсь; разыщу Тюрьму, где в жертву принесли Сократа... А впрочем, нет! Теперь ведь там восстанье! Так эллинизм мы по боку пока.
157. А, вспомнил, вспомнил! Ведь это же «великая Кривая», Которой я башку разбил... Конечно, В бреду лежал тогда я, в лихорадке...
158. Вы знаете ли, кто он, что он? **Пер Гюнт:** Сфинкс-то? Он попросту — он сам, каков он есть; И век останется самим собою.
159. А что вы представляете собою? **Пер Гюнт:** (скромно) Я быть всегда «самим собой» старался. Каков я есмь. А впрочем, вот мой паспорт.
160. **Бегриффенфельдт:** (увлекает его в угол и шепчет) Сегодня в ночь, в двенадцатом часу, Скончался абсолютный разум! **Пер Гюнт:** Боже!..
161. **Бегриффенфельдт:** Ничуть! Ничуть! Вы ошибаетесь. Напротив, каждый Является «самим собою» здесь И более ничем; с самим собою Здесь каждый носится, в себя уходит, Лишь собственного «я» броженьем полон. Здесь герметическою втулкой «я
162. Чтобы выразить идею, К речи нужно прибегать!

163. **Бегриффенфельдт:** Ну, не является ль он «сам собою»? «Самим собой», одним собой он полон; во всем он, с головы до пят, он сам. Является «самим собою» в силу Того, что — вне себя.
164. «Царь Апис» — при жизни он имя носил, а ныне он мумией просто зовется, и мертв он мертвецки, хотя и не сгнил.
165. **Феллах:** Да, хорошо так говорить! Но сделать — Феллаху бедному, голодной вше? Мне хижину мою едва под силу Очистить от мышей да и от крыс... Давай другой совет — такой, чтоб мне И ничего не стоило исполнить, И чтобы уподобился вполне я Тому, с кем я ношусь всю жизнь мою! **Пер Гюнт:** Так вашему величеству пойти бы Да удавиться; раз уж очутившись В земле, в естественных границах гроба, — Мертвецки-мертвым, как и он, держаться.
166. **Феллах:** Готовь веревку! За веревку — жизнь! Я удавлюсь со всеми потрохами! Сначала разница меж нами будет, Со временем же сгладится она. (Отходит и готовится повеситься.) **Бегриффенфельдт:** Вот это — личность, человек с методой!.. Не правда ли, Пер Гюнт! **Пер Гюнт:** Да, да, я вижу...
167. Гуссейн Так удостоите обмакнуть меня! (С низким поклоном.) К услугам вашим: я — перо. **Пер Гюнт:** (кланяясь еще ниже) А я — Исписанный каракулями царский Пергамент!
168. **Пер Гюнт:** О бедный мир, Который — как всегда свое изделие — Творцу таким прекрасным показался!
169. **Бегриффенфельдт:** Вот нож! Гуссейн (хватая его) Как жадно буду пить чернила! С каким я наслаждением очинюсь! (Перерезает себе горло.) **Бегриффенфельдт:** (поспешно отодвигаясь) Не брызгай же, перо!
170. **Пер Гюнт:** (шатаясь) А что осталось мне? И кто я?... Что я?... Держи меня, великий... Крепче, крепче! Я — все, что хочешь ты. Я — грешник, турок, Я — тролль... Лишь помоги мне... Порвались Во мне как будто струны...
171. **Капитан:** Прекрасно. Большинство здесь беднота; Женаты все, детей имеют кучу, А заработок — грош; едва хватает, Чтоб с голоду не помереть с семьей; Домой вернутся с лишними грошами — Их встретят так, что долго не забудут.
172. **Пер Гюнт:** (ударяя кулаком о борт) Ни за что! Да что я, выжил из ума? Хотите, Чтоб тратился я на чужих ребят? Горбом я деньги сколотил. И права На них ни у кого здесь нет. И ждать Здесь Пера Гюнта некому.
173. **Пер Гюнт:** Иметь ораву ребятишек, жить, Как будто жизнь есть радость, а не бред, И знать, что чьи-то мысли за тобою Повсюду следуют?... А обо мне, Небось, не думает никто! Так свечки На радостях зажгут еще? Погаснут! Об этом постараюсь я. Команду Всю допьяна спою. Пусть ни один Не выйдет трезвым на берег. Пусть к женам И детям пьяными придут, затеют Скандал, начнут ругаться, кулаками Бить по столу и напугают тех, Кто так их ждал, до полусмерти! Жены Поднимут крик и уйдут из дома, Таща детей. Пойдет вся радость прахом!
174. **Пер Гюнт:** А здорово качнуло! Море словно За деньги трудится; самим собою, Все тем же морем Северным, сердитым
175. И бурным остается...
176. **Пер Гюнт:** Не стало веры меж людьми, не стало И христианства, о котором столько Говорено и писано. Ленивы Они молиться и добро творить, И страха нет у них пред высшей силой... А Бог — он грозен ведь в такую ночь! Поостеречься б им, скотам, подумать, Что не шутить козявкам со слоном! Они же Бога прямо искушают. Что до меня — я умываю руки. На всех сошлюсь, — когда дошло до жертвы, Откликнулся я первый — кошельком. А толку что?
177. Моя ошибка — был я слишком смирен. Неблагодарность и пожал в награду За все свои труды. Будь я моложе, Пожалуй, я свой нрав бы изменил, Покруче стал. Да это не ушло. Пройдет далеко слух, что я вернулся Из стран заморских богачом. Верну я Свой дом добром иль силой, перестрою И разукрашу как дворец его. Но никого и на порог к себе Не допущу. Пусть у ворот без шапок Стоят и бьют челом мне — на здоровье! Не выманивать им у меня гроша. Коль надо мной потешилась судьба, — Так уж и я натешусь над другими.

178. **Пассажир:** Возможность есть. Но кто стоит одной ногой в могиле, Становится добрее и щедрее...
179. **Пассажир:** Но вам прямая выгода, мой друг. О вашем вскрытии похлопочу я. Меня особенно интересует, Где специальный орган фантазерства; Так вас по косточкам и разберем мы.
180. **Пассажир:** Я вижу ваше нерасположение Беседу продолжать на эту тему;
181. **Пер Гюнт:** Мне жизнь нужнее, чем тебе, — ведь я Ребят еще не наплодил. **Повар:** Пустите! Вы пожили, а я еще так молод.
182. **Повар:** Хлеб наш насущный... **Пер Гюнт** Ну, заладил! Видно, Что поваром жизнь прожил.
183. **Пер Гюнт:** Аминь! Ты был и до конца остался «Самим собой».
184. **Пер Гюнт:** Гм... да... но ваша речь скорей могла бы Своей иронией замысловатой Сбить с толку, чем встряхнуть и образумить. **Пассажир:** Но там, откуда я, значение то же Ирония имеет, как и пафос.
185. **Пер Гюнт:** Поди ты, пугало! Оставь меня! Я не желаю умирать. Мне надо На берег выбраться. **Пассажир:** На этот счет Не беспокойтесь. В середине акта — Хотя б и пятого — герой не гибнет! (Исчезает.)
186. **Священник:** (над свежей могилой) Теперь, когда душа на суд предстала, А прах лежит, как шелуха пустая, В гробу, — поговорим, друзья мои, О странствии покойника земном. Не славился умом он, ни богатством; Ни голосом не брал и ни осанкой; Во мнениях труслив был, неуверен, Да и в семье едва ль был головой, А в божий храм всегда входил, как будто Просить хотел людей о позволеньи Занять местечко на скамье средь прочих...
187. Но раз весною Все половодьем у него снесло; Семья и он едва спаслись от смерти. Но он упорен был в труде — и прежде, Чем осень подошла, опять вился Дымок над крышей нового жилища, Которое на этот раз построил Он на горе, где не грозили воды Снести его. Зато, спустя два года, Лавина дом снесла с лица земли; Но мужества она не придавила В крестьянине. Он снова заступ взял, Копал, и чистил, и возил, и строил, И третий домик был к зиме готов...
188. Был узок кругозор его, не видел Он ничего вне тесного кружка Своей семьи и самых близких лиц.
189. И звуками пустыми отдавались, Как звон бубенчиков, в ушах его Слова, которые с волшебной силой Других по струнам сердца ударяют: «Народ», «отечество», «гражданский долг
190. Нет спору — Плохим он гражданином был; для церкви, Для государства — деревом негодным. Но здесь, на горном склоне, в круге тесном Задач и обязательств семьянина, Он был велик, он был самим собой. Один мотив чрез жизнь его проходит. Он с ним родился, и всю жизнь его Звучал мотив тот, — правда, под сурдинку, Зато фальшивой не было в нем нотки!..
191. Не будем мы вскрывать чужое сердце, В чужом мозгу копаться; это — дело Не созданных из праха, но творца
192. Одно я знаю, что, не стой Я сам тут над могилой мне родного По духу человека, мог бы я Подумать, что во сне правдоподобном Я собственное погребенье видел, Себе похвальное я слово слышал... Поистине прекрасный, христианский Обычай — так вот бросить взор назад, На поприще земное тех, кто умер!.. И я б не прочь был, чтобы приговор Мне вынес этот же достойный пастырь... Но, впрочем, я надеюсь, что нескоро Еще могильщик пригласит меня На новоселье в тесное жилище;
193. Завет дан человеку: Себе быть верным, быть «самим собою
194. И тут придется, видно, мне припомнить Совет Кривой: «Сторонкой обойди!»
195. Человек в сером Э, кровь-то все же гуще, чем вода,
196. **Пер Гюнт:** На западе далеко, Где солнышко садится. Мой скакун Быстрее ветра носится, быстрее, Чем лгал Пер Гюнт.
197. **Пер Гюнт:** Мечта о книге С застежками серебряными. Вам За пуговицу отдал бы ее. Парень А ну их к черту, все мечты!
198. **Пер Гюнт:** (снимая шапку) Возможно. Но не могу ль от вас узнать я — кто был Пер Гюнт?
199. Ленсман Да говорят, Что это был пренаглый сочинитель...

200. И вот специалисты, разбирая Искусство, явленное чертом, стали Критиковать и осуждать его. Кто находил, что писк был как-то жидок, Кто деланным предсмертный визг считал, И все единогласно утверждали, Что хрюканье утрировано вышло... Так вот чего добился черт в награду; И поделом, — зачем не рассчитал, С какою публикой имеет дело!
201. Когда ж приблизится мой смертный час, — Когда-нибудь да это ведь случится, — Я подползу под дерево и в кучу Сухой листвы заруюсь, как медведь. А на коре древесной начерчу я Таковую надпись: «Здесь лежит Пер Гюнт, Честнейший малый и всех тварей царь».
202. Не царь, а луковица ты! Постой-ка, Возьму сейчас да облуплю тебя, Мой милый Пер, как ни вертись, ни сетуй. (Берет луковицу и отщипывает один мясистый листок за другим, приговаривая.) Вот внешней оболочки лоскутки — Крушенье потерпевший и на берег Волнами выкинутый нищий Пер. Вот оболочка пассажира, правда, Тонка, жидка она, но от нее Еще пахивает Пером Гюнтом. Вот золотоискателя листочки;
203. В них соку нет уже — и был ли прежде? Вот грубый слой с каемкою сухой — Охотник за пушиной у залива Гудсонова. Под ним — листочки вроде Коронки... Прочь их, бросить, слов не тратя! Вот археолога листок короткий, Но толстый; вот пророка — пресный, сочный; Так ложью от него разит, что слезы — По поговорке старой — вышибает Из глаз порядочного человека. А эти вот листочки, что свернулись Изнеженно-спесиво так — богач, Который жил, как сыр катаясь в масле. Листки под ними — с черною каемкой, Больными смотрят и напоминают Зараз о неграх и миссионерах. (Отщипывает несколько листочков сразу.) Да их не оберешься тут! Ну, что же? Когда-нибудь покажется ядро? (Общипывает все до конца.) Скажите! От начала до конца Одни слои, листки — все мельче, мельче!.. Природа остроумна. (Бросает остатки.)
204. **Пер Гюнт:** (при звуках песни медленно встает, безмолвный и бледный как смерть) Она не забыла, а он позабыл; Она сохранила, а он расточил... О, если бы можно начать все сначала... Ведь здесь меня царство мое ожидало! (Кидается бежать по лесной тропинке.)
205. Краеугольные камни кладет Мертворожденное знание; Выдумки праздные, грезы, мечты Самое зданье возводят; Ложь высекает ступени. Боязнь Мыслей серьезных, глубоких И нежеланье вигу искупить Щит водружают на кровле; Крупная надпись гласит на щите: «Цезарь **Пер Гюнт:** — архитектор».
206. Клубки (на земле) Мы — твои мысли; но нас до конца Ты не трудился продумать. Жизнь не вдохнул в нас и в свет не пустил, — Вот и свились мы клубками!
207. Сухие листья (гонимые ветром) Лозунги мы, — те, которые ты Провозгласить был обязан! Видишь, от спячки мы высохли все, Лениности червь источил нас; Не довелось нам венком вокруг плода — Светлого дела — обвиться!
208. Шелест в воздухе Песни, тобою не спетые, — мы! Тщетно рвались мы на волю, Тщетно просились тебе на уста, Ты нас глушил в своем сердце, Не дал облечься нам в звуки, в слова! Горе тебе!
209. Капли росы (скатываясь с ветвей) Слезы мы — те, что могли бы Теплою влагой своей растопить Сердца кору ледяную,
210. Если б ты выплакал нас! А теперь Сердце твоё омертвело; Нет больше силы целительной в нас! **Пер Гюнт:** Слезы!.. Не плакал я разве В Рондах? И что ж — пожалели меня? Ноги унес еле-еле!
211. Сломанные соломинки Мы — те дела, за которые ты С юности должен был взяться. Нас загубило сомнение твоё. Против тебя мы в день судный С жалобой выступим и — обвиним! **Пер Гюнт:** Как? Не за то лишь, что было, И за небывшее мне отвечать? (Бежит от них.)
212. **Пер Гюнт:** Позволь... без всякого предупрежденья?! Нет, это слишком! **Пуговичник:** Испокон веков Так водится, что выбирают день Торжественный родин и погребенья Сюрпризом для виновников события.
213. Я обхожденья лучшего бы стоил. Совсем не так я грешен, как, пожалуй, Вы полагаете. И на земле Немало доброго успел я сделать; Во всяком случае, могу назваться Скорей ослом, чем грешником большим! **Пуговичник:** Вот в том-то все и дело, что не грешник Ты в строгом смысле слова; потому От вечных мук избавлен и лишь в ложку С себе подобными ты попадешь.

214. Ты, как сейчас признался Мне сам, не крупный грешник, да, пожалуй, И за посредственного не сойдешь. **Пер Гюнт:** Ну вот, теперь ты рассуждаешь здраво. **Пуговичник:** Но ведь и добродетельным тебя Считать — не правда ль — было б слишком смело? **Пер Гюнт:** Я вовсе и не претендую. **Пуговичник:** Значит, Ты — нечто среднее: ни то, ни се. Сказать по правде, грешник настоящий В наш век довольно редкое явление: Тут мало просто пачкаться в грязи; Чтобы грешить серьезно, нужно силу Душевную иметь, характер, волю.
215. **Пуговичник:** А ты как раз наоборот, приятель, Грешил всегда слегка лишь, понемножку. **Пер Гюнт:** Лишь внешним образом; всегда считал я, Что грех — лишь брызги грязи; взял — страхнул. **Пуговичник:** Так мы с тобой вполне сошлись во мненьях: Не для тебя, не для тебя подобных, Которые плескались в грязной луже, Геенна огненная. **Пер Гюнт:** Да, и, значит, Свободен я идти куда угодно? **Пуговичник:** Нет, значит — надобно тебя расплавить И перелить.
216. **Пуговичник:** Обычай этот так же древен, как Происхожденье змия, и рассчитан На то, чтоб матерьял не пропадал. Ты смыслишь в нашем ремесле и знаешь, Что иногда литье не удастся И пуговица выйдет без ушка; Ты что с такою пуговицей делал? **Пер Гюнт:** Бросал. **Пуговичник:** Ну, ты ведь в Йуна Гюнта вышел. И он бросал направо и налево, Пока лишь было что бросать. Но, видишь, Хозяин не таков; он бережлив И потому богат. Он не бросает, Как никогда негодный хлам, того, Что в качестве сырого матерьяла Еще годится. Пуговицей вылит Ты для жилета мирового был, Но вот ушко сломалось, отскочило, И предстоит тебе быть сданным в лом, Чтоб вместе с прочими быть перелитым.
217. Позволь... не собираешься же ты Меня расплавить вместе с первым встречным И вылить нечто вновь из общей массы? **Пуговичник:** Вот именно. И не с тобой одним, — Со многими мы поступали так; И так же поступает двор монетный Со стертymi монетами.
218. **Пер Гюнт:** Нет же, нет! Я не хочу! Зубами и ногтями Я буду защищаться! Я на все Готов, лишь не на это, не на это!
219. Да как же быть? Ты сам суди: для неба Ты недостаточно воздушен... **Пер Гюнт:** Пусть; Я и не мечу так высоко — скромн; Из «я» же своего не уступлю Ни ноты! Лучше пусть меня осудят По старому закону. Пусть отправят Меня на срок известный... лет хоть на сто, Коли на то пойдет, к тому, кого С копытом конским и хвостом рисуют. Таковую кару все-таки возможно Снести, — скорей моральные там муки И, следовательно, не так страшны. То было б «переходным состояньем», Как говорится или как сказала Лиса, когда с нее сдирали шкуру. Все дело там в терпении было б только: Ну, подождешь и все-таки дождешься — Освобожденья час пробьет; надежда Меня бы и поддерживала там. А тут... расплавиться, войти частичкой, Ничтожным атомом в чужое тело, Утратить «я» свое, свой гюнтский облик, И перестать «самим собою» быть?!. Нет, против этого готов я спорить, Бороться всеми силами души!
220. Никогда ты не был Самим собой; так что же за беда, Коль «я» твое и вовсе распадется? **Пер Гюнт:** Я не был?... Нет, ведь это же нелепо! Когда-нибудь был не собой Пер Гюнт?! Нет, пуговичник, наобум ты судишь. Хоть наизнанку выверни меня, Ты ничего другого, кроме Пера И только Пера, не найдешь. **Пуговичник:** Не верю. И вот приказ, мне данный. Он гласит: «Ты послан Пера Гюнта взять, который Всю жизнь не тем был, чем он создан был, И, как испорченная форма, должен Быть перелит».
221. Раз всего родишься, Ну вот и хочется таким остаться, Каким родился ты, — «самим собою».
222. Нет, что это за мир, где человеку Приходится доказывать, что прав он, Хоть правота его ясна, как день!
223. **Доврский дед:** (останавливается) Подай бездомному бродяге грошик! **Пер Гюнт:** Не обессудь, — нет мелких...
224. **Пер Гюнт:** Поддался соблазну, Не спорю, я, пока шло дело только О несущественном, но наотрез Я отказался поступиться главным. А в этом человек и познается! Конец ведь делу всякому венец!
225. **Доврский дед:** Которое кладет границу между Мирами — человеческим и нашим: Самим собою будь доволен, тролль! **Пер Гюнт:** (отступая на шаг) Доволен?!

226. **Доврский дед:** Да; с тех пор ты и старался Девиз тот всею жизнью оправдать. **Пер Гюнт:** Старался... я? **Пер Гюнт?** **Доврский дед:** (со слезами) Неблагодарный! Ты жил, как тролль, но в том не признавался. Благодаря тому словечку в гору Пошел ты, богачом стал, а теперь Ты больше знать не хочешь ни меня, Ни моего учения. **Пер Гюнт:** «Доволен!» Я не «самим собою» был, а только «Самим собою доволен»? Жил я троллем? Был эгоистом?... Нет! Чистейший вздор!
227. не в хвосте И не в рогах, а в духе тут все дело; В душе будь троллем с виду же — чем хочешь! А в заключенье сказано, что в слове «Доволен» — центр всей тяжести: оно Преображает человека в тролля, Причем тебя в пример приводит автор.
228. **Пер Гюнт:** Я, значит, мог с таким же результатом Весь век свой в Рондах просидеть за печкой, Себя избавить от трудов, забот? **Пер Гюнт:** всю жизнь был троллем?... Вздор и враки! Прощай!.. Вот грош тебе на табачок.
229. Но дочкино потомство, как сказал я, Размножившись, забрало силу здесь И говорит, что я — лишь миф старинный! Свой своему, как молвят, худший враг; Я, бедный, на себе изведаль это.
230. **Пер Гюнт:** Еще бы, раз девиз ваш — «будь доволен Самим собою», лишь для себя живи!
231. **Доврский дед:** Так и эта Надежда лопнула!.. Ну, до свиданья; Попробую до города добраться. **Пер Гюнт:** А что там делать? **Доврский дед:** Поступлю на сцену. В газетах пишут все о недостатке Национальных персонажей...
232. **Пер Гюнт:** Ну, Пер, в таких тисках ты не был сроду!.. Тебе словечко доврское «доволен»
233. **Пер Гюнт:** Один вопрос лишь: в сущности, что значит «Самим собою» быть?
234. **Пуговичник:** Вопрос престранный, Особенно со стороны того, Кто сам недавно... **Пер Гюнт:** Коротко и ясно Ответь мне! **Пуговичник:** Быть самим собою — значит Отречься от себя, убить в себе Себя иль «я» свое. Тебе-то, впрочем, Такое объяснение ни к чему. Ну, скажем так: самим собой быть — значит Всегда собою выражать лишь то, Что выразить тобой хотел хозяин. **Пер Гюнт:** А если ты всю жизнь узнать не мог, Что выразить тобой хотел хозяин? **Пуговичник:** Нужна догадка, Пер! **Пер Гюнт:** Да, да, но часто Обманывают нас догадки наши, — Так из-за этого и погибать?
235. **Пуговичник:** Приходится, Пер Гюнт! И собирает Средь недогадливых рогатый жатву.
236. **Пер Гюнт:** Да нет же! Я хочу сказать: большой, Серьезный грешник. И не делом только Грешил я, но и словом, помышленьем. Я за границей жизнь такую вел, Что тошно вспомнить. **Пуговичник:** Может быть; дай список Твоих грехов, — увидим...
237. **Пер Гюнт:** «Как знать, пожалуй, пригодиться может», — Сказал недаром Эсбен-Замарашка, Найдя крыло сорочье на дороге. Ну, кто подумал бы, что человека Его грехи в последний час спасут? Положим, из огня я попаду Всего лишь в полымя, как говорится; Но можно утешать себя словами: Пока есть жизнь, до тех пор есть надежда!
238. Ничтожная совсем; лишь редкий раз Какая попадется... **Пер Гюнт:** Значит, люди Заметно лучше и добрее стали? Их общий уровень так поднялся? **Худощавый:** Напротив, он понизился, и люди Все больше попадают в переплавку.
239. **Пер Гюнт:** Я имею Известные права, однако, в прошлом; За мной немало числится грехов... **Худощавый:** Все мелочи, как сами вы сказали. **Пер Гюнт:** В известном смысле, да. Но, как припомню, Я торговал людьми... **Худощавый:** Э, мало ль на свете Торгующих и волей и душой; Но если это делают они Без умысла, без ясного сознанья, — Им места нет у нас. **Пер Гюнт:** В Китай ввозил я Изображенья Браммы... **Худощавый:** Ах, уж этот Мне тон просительский! Я повторяю: Над всем подобным мы смеемся лишь.
240. **Пер Гюнт:** Я вдобавок Разыгрывал пророка. **Худощавый:** За границей? Пустое! Большинство людей с их sehen Ins Vlaue — все кончают переплавкой. Коль не на что вам больше опереться, Принять вас не могу при всем желаньи. **Пер Гюнт:** Еще одно; я потерпел крушенье... На опрокинутую лодку влез... Ведь утопающий готов схватиться И за соломинку, как говорят! Затем — своя рубашка ближе к телу — У повара почти что отнял жизнь... **Худощавый:** Эх, хоть бы отняли в придачу вы Еще у поварихи кое-что! «Почти что» — право, даже слушать тошно! Ну кто ж дровишки пожелает тратить В такие-то тугие времена

241. На дрянью подобную, что неспособна Ни на какой порыв — ни злой, ни добрый? Сердитесь, не сердитесь, как хотите, — Но заслужили вы такой упрек. Да, да, за откровенность извините! А мой совет: оставьте все затеи И с ложкою плавильной примиритесь! Подумайте, — вы человек разумный! Положим, были бы у вас воспоминанья, Но что могли бы дать они вам? Nichts, Как немцы говорят. Для вас пустыней Явилась бы страна воспоминаний: Ничто обрадовать там не могло бы Ваш взор, ни на уста улыбку вызвать, Ни из груди рыдания исторгнуть, Ни бросить в жар восторга вас, ни в дрожь Отчаянья, а много-много разве Заставило бы в вас разлиться желчь!
242. **Пер Гюнт:** Нельзя ль узнать, какой греховной пище Она обязана жирком своим?
Худощавый: Насколько знаю, был «самим собою»
243. Самим собою»? Такие люди попадают к вам?
244. **Худощавый:** Случается; для них полуоткрыты, Во всяком случае, у вас ворота. Двоим образом ведь можно быть «Самим собой»: навыворот и прямо. Вы знаете, изобретен в Париже Недавно способ новый — делать снимки Посредством солнечных лучей, причем Изображенья могут получаться Прямые и обратные — иль, как Зовут их, — негативы, на которых Обратно все выходит — свет и тени; На непривычный глаз такие снимки Уродливы, однако есть в них сходство, И только надобно их обработать. Так если в бытии своем земном Душа дала лишь негативный снимок,
245. Последний не бракуют как негодный, Но поручают мне, а я его Дальнейшей обработке подвергаю, И с ним, при помощи известных средств, Прямое превращенье происходит. Окуриваю серными парами, Обмакиваю в огненные смолы И снадобьями разными травлю, Пока изображение позитивным, Каким ему и быть должно, не станет. Но если стерта так душа, как ваша, — Выходит бледный и неясный снимок, Которого никак не проявить; И сера и огонь тут бесполезны.
246. **Пер Гюнт:** Итак, к вам надобно явиться черным, Как ворон, чтоб затем уйти от вас, Как куропатка, белым?... А какое, Спросить позвольте, выставлено имя Под негативным снимком тем, который Вам поручили позитивным сделать?
247. Какой же нищю душе вернуться Приходится в туманное ничто!.. Не гневайся, прекрасная земля, За то, что я топтал тебя без пользы! Ты, солнце дивное, напрасно лило Свои лучи на хижину пустую. Ты никого там не могло согреть, Обрадовать, — в отсутствии хозяин Всегда был, говорят... Земля и солнце, Напрасно мать мою взрастили вы! Дух скуп и расточительна природа. О, слишком дорого свое рожденье Приходится нам жизнью искупать! Я ввысь хочу. На самую крутую, Высокую вершину. Я увидеть Еще раз солнечный восход хочу И насмотреться до изнеможенья Хочу на обетованную землю! А там — пусть погребет меня лавина; Над ней напишут: «здесь никто схоронен». Затем же... после... будь со мной, что будет.
248. **Пуговичник:** И никого не встретил? **Пер Гюнт:** Ни души; Фотограф лишь бродячий мне попался.
249. Сказала Кривая: обойди сторонкой... (Слышит пение в хижине.) Нет! На этот раз пойду я напролом, Пойду прямым путем, как он ни тесен!
250. **Пер Гюнт:** Сказать? Да, да, скажу! Где был **Пер Гюнт:** с тех пор, как мы расстались?
Сольвейг: Где был? **Пер Гюнт:** Да, где он был? Он сам, с печатью Божественного предопределенья. Таков, каким его Господь задумал?
251. **Пер Гюнт:** Так говори же! Где был «самим собою» я — таким, Каким я создан был, — единым, цельным, С печатью божьей на челе своем? **Сольвейг:** В надежде, вере и в любви моей!

Конец текста